

DOI 10.15826/qr.2017.3.253

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38

ИЗМЕРИТЬ ЭНЕРГИЮ ТЕКСТА*

Тамара Матвеева

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

MEASURING THE ENERGY OF A TEXT**

Tamara Matveeva

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article examines the issue of introducing the term “energy” into the practice of specific linguistic studies. It is argued that this concept is useful for comprehending the subjective modal content of a speech work. The traditional linguistic interpretation of speech impact is based on the functional-semantic concept of the expressivity of language units conveying the speaker’s emotions and evaluations. With the development of text linguistics, a broader view of the content of speech works and of impact-ensuring tools has become relevant. The author puts forward the term “energy” as a concept which synthesises speech and text, including categories of movement (changes, dynamics) and volition (goal-setting) of the subject of speech and the category of expressivity (intentionality). This idea is proved with reference to the extrapolation of philosophical interpretations of the concept of energy. The author describes the functional-semantic content of the energy component of the text and its structure. In terms of expression, the category of energy is a functional-semantic field which is realised as a set of expressive and non-expressive language means belonging to different levels and verbal techniques aimed at impact. A separate tool or technique like this can be termed *energema*. The composition of text *energemas* is defined on lexical-semantic,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант №15-04-00239/17-ОГОН «Национальные базовые ценности и их отражение в коммуникативном пространстве провинциального города: традиции и динамика». Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006.

** Citation: Matveeva, T. (2017). Measuring the Energy of a Text. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 3, p. 838–850. DOI 10.15826/qr.2017.3.253.

Цитирование: Matveeva T. Measuring the Energy of a Text // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 3. P. 838–850. DOI 10.15826/qr.2017.3.253 / Матвеева Т. Измерить энергию текста // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 3. С. 838–850. DOI 10.15826/qr.2017.3.253.

grammatical, and prosodic grounds. This article considers energemas of two energy subfields: movement and volition. The author poses the problem of the statistical interpretation of text energy, which is particularly important for comparative studies of this phenomenon. Referring to a comparison of speech works of different genres united by one theme, the author demonstrates the energetic difference between a lecture and an encyclopaedic article. She also establishes groups of speech tools, providing dynamism and volition instruments as opposed to the static and abstract character of the text. It is proved that the intensity of the energy text field is directly proportional to the impact the text makes on the addressee.

Keywords: speech impact; energy; energema; expressiveness; movement; will.

Рассматривается проблема внедрения в практику конкретных лингвистических исследований термина «энергетика». Утверждается, что данное понятие целесообразно при осмыслении субъективно-модального содержания речевого произведения. Традиционная лингвистическая трактовка речевого воздействия опирается на функционально-семантическую концепцию экспрессивности языковых единиц, выражающих эмоции и оценки говорящего. С развитием лингвистики текста становится актуальным более широкий взгляд на воздействующее содержание речевого произведения и средства обеспечения воздействия. Автор предлагает термин «энергетика» как синтезирующее речетекстовое понятие, включающее в себя категории движения (изменения, динамики), волеизъявления (целеполагания) субъекта речи и экспрессивности (интенциональности). Этот тезис доказывается на основе экстраполяции философской трактовки понятия «энергия» в сферу текста. Показано функционально-семантическое наполнение текстового компонента энергетика и его структура. В плане выражения категория энергетика представляет собой функционально-семантическое поле, которое реализуется в виде совокупности экспрессивных и неэкспрессивных языковых средств различной уровневой принадлежности, а также речевых приемов, нацеленных на воздействие. Отдельное такое средство или прием может быть обозначено термином «энергема». Состав энергем текста определяется на лексико-семантическом, грамматическом, просодическом основаниях. В статье рассматриваются энергемы двух субполей энергетика: движения и волеизъявления. Автор ставит также проблему статистической интерпретации энергетика текста, особенно важной для сопоставительного исследования названного феномена. На материале сопоставления речевых произведений разного жанра на одну тему демонстрируется энергетическая разница лекции и энциклопедической статьи. Выявлены группы речевых средств, обеспечивающих динамизм и волевою оснащенность изложения в противовес статичности и абстрагированности текста. Доказывается, что плотность текстового поля энергетика прямо пропорциональна силе воздействия текста на адресата.

Ключевые слова: речевое воздействие; энергетика; энергема; экспрессивность; движение; воля.

Понятие «энергетика» применительно к речи и речевому произведению еще не обладает нужной терминологической четкостью. Оно хорошо воспринимается на уровне обыденного сознания, определенно различающего речь аморфную, вялую, несобранную и речь подтянутую, целенаправленную, влиятельную – энергичную. Обобщенное представление о содержании данного понятия в языке хорошо выражено участником одного из интернет-форумов: «Словом “энергетика” я обозначил не вполне понятное для меня свойство текстов некоторых авторов влиять на умы и сердца читателей» [Энергетика текста]. В филологических трудах слова *энергия*, *энергичный*, *энергетика* время от времени используются в качестве характеристик речи, текста, авторской манеры: *энергетика текста*, *энергия метатекста и прототекста*, *энергетика поля*, *звуковая энергетика*, *энергетика восклицаний* и мн. др. Энергетика текста уже формулируется в качестве проблемы исследования, хотя и редко [Храпова]. Дефинирование понятия «энергетика», «суть которого состоит в воздействии на умы, чувства и эмоции аудитории» [Поздеева, с. 14], тем более не противоречащее его вненаучному использованию, безусловно, важно, но для аналитических целей этого мало, необходимо уточнить его содержательное и операциональное наполнение. Нужен анализ соотношения данного и смежных понятий, в нашем случае – сопоставление терминов *энергетика* и *экспрессивность*.

Выяснение состава лингвистического содержания термина *энергетика* на базе его исконного научного понимания требует обращения к истории вопроса [Матвеева, с. 107–108]. Термин *energeia* (греч. *energeia* – действие, деятельность) введен основателем антропологической парадигмы в языкознании В. фон Гумбольдтом в противовес термину *ergon*, подчеркивавшему вещный, результативный статус языка³. С этого времени язык как деятельность (*langage* в терминологической парадигме Ф. де Соссюра, *речевая деятельность* в трудах Л. В. Щербы) становится постоянным объектом научного внимания, а во второй половине XX в. коммуникативная лингвистика уже формируется как самостоятельное направление науки о языке. В русском языкознании закрепился термин *речевая деятельность* [Щерба, с. 24–37], термин же *энергия* остался принадлежностью философии⁴, физики и прикладной по отношению к физике *энергетике* как отрасли производства.

Философское осмысление категории энергии сводится к следующему: энергия является общей мерой различных форм движения (изменения) материи. Материя не существует вне движения, которое является атрибутом и неотъемлемым свойством материи [ФЭ]. Энергия

³ В настоящее время термин *энергия* последовательно используется в качестве лингвистического историзма применительно к гумбольдтианству [Рапишвили].

⁴ Отдельное положение в философии занимает концепция А. Ф. Лосева, в рамках которой понятие *энергия* чрезвычайно важно; применительно к смыслу слова используется понятие *энергема*, дифференцированное на такие виды, как энергема физическая, органическая, сенсуальная, нозтическая [Лосев, с. 46–92].

количественно измерима и пропорциональна мере движения, а общая мера явления складывается как совокупность мер его отдельных признаков [Лойфман, с. 115].

Область меры явления, по Гегелю, является областью количественных и качественных характеристик явления. Они градуальны: свойство может иметь и низкие, и среднестатистические (нормативные, нормальные), и высокие количественные характеристики, причем эти показатели способны постепенно изменяться, то есть накапливаться или утрачиваться. Мера характеризуется строго определенными закономерностями перехода количества в качество: если количественные показатели переходят границу нормы, то превышенное качество становится другим качеством. Таким образом, понятие «энергия» характеризует диалектическое единство качества и количества признаков целостного явления.

Отметим как существенное следующее положение: близость количественных параметров признака к границам меры данного явления, то есть область гипертрофии признака, его интенсификации, характеризуется повышенным энергетическим индексом.

На учете качественных и количественных различий обозначаемых явлений осуществлена классификация стилистических значений [Балли]. Опора на категорию меры явления в лингвистике наблюдается также в области лексической экспрессиологии. К семантическим компонентам экспрессивности слова семасиологи относят, как правило, семы эмоциональной оценки, интенсивности и, реже, образности [Лукьянова; Телия]. Компонент интенсивности, или параметрический компонент, актуализирует значительное отклонение от средней меры явления: *бабахнуть* (о звуке взрыва), *раздраконить* (изругать), *куча дел*; *тащиться* (медленно идти), *валандаться* (медленно и неохотно делать что-либо). Кроме того, язык располагает набором слов-интенсификаторов (*обязательно, категорически, очень, много, сильно, слишком, ужасно* и т. п.). Экспрессия (сила воздействия) языковой единицы обусловлена наличием мерных признаков в гипертрофированном проявлении, а экспрессия речи и текста – набором и количеством экспрессивных единиц.

Специальная разработка проблем экспрессивности языковых и речевых единиц связана именно с зоной пограничных состояний явления, когда оно находится на грани скачкообразного перехода количества данного признака в другое, новое качество. Однако и базовая средненормативная мера имеет отношение к воздействию, обладает своим энергетическим потенциалом, пусть и меньшим. Прежде всего это относится к семантике движения. О значимости данной категории (в более широком ее понимании) писала Н. Л. Мышкина: «Энергожизнь текста проявляет себя в движении и через движение» [Мышкина, с. 31].

Движением называют любое изменение, контрастирующее с состоянием покоя. По сравнению с покоем выраженное дви-

жение всегда характеризуется той или иной степенью интенсивности, так что при описании функционально-текстового поля энергии следует учитывать любые языковые средства с семантикой движения, создающие соответствующее субполе текста. Даже первая степень проявления данного признака, отраженная в нейтральной лексике с семой движения (*идти, подвижный, поездка*), создает неэкспрессивную энергетически значимую лексическую единицу текста. Единицы с семой интенсивности (например, *вскочить, мчаться, балалолка*) образуют более сильные единицы такого рода, экспрессивные или на грани экспрессивности.

Лучшим выразителем семантики движения является глагол. Противопоставление движения и покоя находит прямое выражение в оппозиции частных грамматических парадигм внутри общей глагольной. Различны по степени энергии личные формы глаголов и безличные глаголы, фиксирующие действие/состояние, не зависящее от воли говорящего. Разной энергией выражения обладают личные формы глаголов по сравнению с причастиями и деепричастиями в рамках одной и той же глагольной парадигмы: последние «останавливают» движение и переводят его на второй информационный план высказывания. В отглагольных существительных семантика движения выражена слабее, чем в глаголах, поскольку перекрыта грамматической семантикой существительного как части речи. Энергетические различия связаны также с залогом как лексико-грамматической категорией глагола, выражающей отношение действия к субъекту, и оппозицией активных (немаркированных) и пассивных конструкций, которые формируются с помощью присоединения постфикса *-ся* к форме действительного залога или кратких форм страдательных причастий совершенного вида [ГСРЛЯ, с. 351]. В области предикативных единиц двусоставное личное предложение представляет собой более энергичный способ выражения, чем назывное предложение, обычно фиксирующее некоторый факт, передающее семантику бытийности [ГСРЛЯ, с. 560]. Высокая степень энергии характерна для конструкций экспрессивного синтаксиса.

Следует учитывать прямую взаимосвязь категории движения и категории воли, волеизъявления. В исследованиях воздействующей силы речи уделяется мало внимания семантике воли. Между тем, исходя из основных положений о тексте (а общение осуществляется именно посредством текстов [Жинкин]), он создается на основе авторского целеполагания. Исходный осознанный пункт создания текста – цель автора, собственно текст – это воплощение речью движения к цели, направляемого авторской волей.

Воля – важнейшая категория, связанная с мотивировкой речевой деятельности и ее качеством (по Выготскому, мысль имеет аффективно-волевою подоплеку). Семантика воли и волеизъявления по определению связана с интенсивностью и движением к цели: это стремление (то есть направленное желание) к осуществлению

намеченной цели [ТСРЯ, с. 108], что сопряжено с внутренними усилиями личности [СЭС, с. 244]. Существенно также, что воля персонифицируется, она предполагает принятие личностью определенного решения, что, в свою очередь, связано с модальностью долженствования. Категория воли имеет мощную экспликацию на всех уровнях языковой системы, однако, не будучи вовлечена в семантические классификации и вне связи с категорией экспрессивности, она мало изучается применительно к дискурсу и тексту.

Состав речевых сигналов волеизъявления, образующих соответствующее субполе в границах поля энергетике текста, определяется не только на лексико-семантическом основании, хотя волевой аспект имеет прямое лексическое выражение в русском языке в базовых лексемах *воля, цель, сила, стремиться*, а также их производных; в модальных глаголах и производных от них слов других частей речи, в прямых сигналах утверждения и отрицания *да* и *нет*, сигналах категоричности высказывания и др. Волевая насыщенность может быть выражена также просодически (в вариациях темпорита, тембра, отборе интонационных конструкций), грамматически (в формах грамматического императива, конструкциях экспрессивного синтаксиса). К волевому аспекту имеют отношение пассивные конструкции и безличные предложения: в них человек действующий элиминируется, его воля в осуществлении обозначаемого действия не имеет значения. Речетекстовыми средствами волевого оснащения речи могут быть признаны личные местоимения первого и второго лица, а также категория Я-темы в целом, она сообщает личностную окраску всей объективной информации текста, а воля – атрибут личности. Та же направленность характерна для приемов логического и эмоционального усиления, в числе которых стилистические фигуры прибавления, риторические вопросы и восклицания.

Прямое отношение к энергетике имеет ритмика текста. Энергия речевого выражения особенно сильна, если автор организует в нем «разность потенциалов», и это в полной мере относится к ритмическому рисунку речи. Ритмический контраст создается противопоставлением короткой фразы и многословного отрезка речи, при этом первая выделяется в тексте как особо значимая. Объектом наблюдения может также являться специфика периодичности объемов функционально-смысловых фрагментов текста.

Теория экспрессивности на современном уровне ее разработки лишь частично – применительно к зоне крайних проявлений свойств объекта и преимущественно на лексическом материале – объясняет воздействующую силу речи и текста. При этом вне поля зрения остается множество языковых средств, уже на уровне первичной семантики несущих в себе зерно воздействия (средства передачи семантики движения на любой градуальной отметке, сигналы прямого волеизъявления, модальности долженствования, меры категоричности, персонификации). Лингвистике необходимо синтезирующее поня-

тие, полностью вбирающее в себя и экспрессивность как эмоционально-оценочно-интенсивный компонент воздействия, и другие компоненты последнего, обобщенно – проявления движения (изменения, динамики) на любой градационной отметке и проявления персонафицированной воли как мыслительного движения к цели. Термин *энергия* (как свойство интонемы, лексемы, морфемы, грамматической конструкции, высказывания, текста воздействовать на адресата) генетически адекватен данной задаче: он вбирает в себя как идею движения, активизирующего адресата, так и воли, персонально направляющей само движение. Применительно к общему составу средств, обеспечивающих эффект воздействия, целесообразен синтезирующий термин *энергетика*; речевую единицу с энергетическим зарядом (компонентом воздействия) можно обозначить термином *энергема*⁵.

Поставим задачу выявления энергетики текста на базе высказанных выше положений. Сразу же отметим, что в силу специфики выявляемого объекта (его мерного, количественно-качественного характера и полевого устройства речевого множества текстовых энергем) может быть поставлена и задача сопоставительного измерения различных текстов в плане их энергоемкости, прямо пропорциональной силе воздействия.

Материалом наблюдений избраны два однотемных текста о шекспировском театре «Глобус». (1) – это часть лекции Паолы Волковой «Сближение связей отдаленных» [Волкова, с. 26–31]; (2) – статья Татьяны Шабалиной «Театр “Глобус” (Globe)» из электронной энциклопедии «Кругосвет». Тексты различаются между собой объективно-логически (лекция основана на функционально-смысловом типе рассуждения, энциклопедическая статья носит описательный характер), а также в плане воздействия: жанр лекции заведомо нацелен на эффект речевого воздействия в процессе обучения, тогда как статья энциклопедии такого эффекта не предполагает. Априори можно предположить, что текст лекции будет энергетически превосходить текст энциклопедической статьи, но нас интересует техника лингвистической реализации категории энергетики, в том числе в сопоставительном плане.

Прежде всего сопоставим тексты по признакам традиционно понимаемой экспрессивности. В лекции используется немало стилистически маркированных единиц лексики и фразеологии, а также тропов: *зеркальное отражение, расцвет театра, первые люди королевства, общечеловеческий опыт сжимается до рамок сцены, задавали тон, «золотой век» английской культуры, театр – зеркало; актеры – оркестр, транслирующий мировую мистерию*. Заметна линия интенсификации, реализуемой с помощью многочисленных

⁵ Данный термин коррелятивен по отношению к достаточно употребительному в экспрессиологии термину *экспрессема*, и потому удобен. Однако наличие омонимического термина *энергема* в философской концепции слова А. Ф. Лосева ставит его под вопрос.

фигур прибавления (особенно активен асиндетон), а также лексико-семантических средств: *вершинная фигура, мощная сила театра, гениальный поэт, тесная связь, тесное переплетение судеб, гениальный аноним, великий трагик, трагические страсти*. Однако в результате сопоставления экспрессивных энергем мы не получим явственного противопоставления текстов; ср. аналогичные средства в энциклопедической статье: *большая любовь к театральному искусству, враждебно относящиеся, знаменитая надпись, динамичное зрелище, в полный голос, преданные поклонники, сгореть дотла, бережная реконструкция, по крупницам собирал материалы*. Конечно, набор и количество экспресsem богаче в тексте лекции, но спектр экспрессии (книжность, интенсивность, некоторая эмоциональная приподнятость) роднит ее со статьей.

Перейдем к первому базисному компоненту энергии – семантике движения, прежде всего в глагольной лексике.

Наш материал показывает существенную разницу в глагольном оснащении сопоставляемых текстов. В силу тематической и функционально-смысловой специфики языковая семантическая группа глаголов движения представлена в них слабо и потому параметром сопоставления быть не может, но весьма показательны собственно грамматические различия глагольных слов и синтаксических конструкций. Во-первых, они охватывают использование причастий и деепричастий – морфологических средств книжного стилистического регистра. Данные глагольные формы в статье многочисленны, часто распространены и обособлены, могут использоваться группами: *материалы, оставшиеся от разобранного здания самого первого... театра; название театр получил от украшавшей его вход статуи атланта, поддерживающего земной шар*. В тексте (2) отмечено 19 полных причастных форм и 4 деепричастия, тогда как в (1) их, соответственно, 7 и 0. При наличии в русском языке грамматической синонимии обособленного определения, выраженного причастием с зависимыми словами, и определительного придаточного предложения⁶ лектор предпочитает второй вариант: *Он предсказал бурю, которая развеяла великую армаду испанцев; это народная забава, которая так и осталась народной*.

Во-вторых, тексты (1) и (2) различны по частотности пассивных конструкций. Текст лекции ориентирован на применение глагола-сказуемого в личной форме, и не только в тех случаях, когда действие принадлежит лицу: *Площадки-помосты и ярмарочные балаганы первоначально диктовали принципы театральной архитектуры; Они (театры) переезжали из города в город, давали представления на ярмарках и постоянных дворах*. Если же действителем является лицо, то используются целые серии личных глагольных форм на пространстве сложного синтаксического целого:

⁶ Еще А. С. Пушкин писал о закреплённости данных конструкций, соответственно, за письменной и устной речью.

Джон Ди... лично **ездил** в Стоунхендж, **знал** его размеры... **Понимал** связь круга с Луной и Солнцем... Он **знал** не только... (1). Таким образом, здесь доминируют активные конструкции, тогда как в энциклопедической статье широко используются пассивные с незамещенной позицией творительного падежа (16 применений против 4 в лекции): один за другим **строились здания... театров; Внимание** зрительного зала **не поддерживалось** никакими вспомогательными средствами; **«Второй Глобус» был перестроен** в помещение под сдачу в аренду; Рядом с восстановленным «Глобусом» **открыт тематический парк-музей** (2).

Таким образом, текст (1) определенно ориентирован на личный способ изложения, что подчеркивается рассредоточенными по тексту вкраплениями приемов диалогизации (*мы не можем не упомянуть; мы знаем; образ, внятный нам; как рассказывает нам надпись; как мы упоминали...*). По данному параметру (передаче идеи движения) он энергичнее текста (2), нацеленного на объективизированное представление предмета речи.

Личностный характер текста лекции подчеркивается модальностью уверенности. Единичные сигналы модальности возможного связаны исключительно с короткими включенными тематическими фрагментами (о первых постоянных театрах и о Колизее как прототипе «Глобуса»). Основное же содержание рассуждения подается без колебаний и с применением средств и приемов усиления смысла. В их числе усилительные лексические единицы (*Шекспира же вот уже 400 лет ежедневно играют во всем мире; Джон Ди – настоящий просветитель; ...Был настолько интересным человеком, что...; И, несомненно, личность Шекспира*), фигуры прибавления при демонстрации аргументов, утверждение от противного в форме риторического восклицания (*Чем не Стоунхендж!*) и риторических вопросов (*Ну и что?; Неужели образ, внятный нам, не был понятен жившим внутри столь сложного мира... магам века XVII?*).

Еще одна стилистическая фигура, работающая на эффект усиленного воздействия в тексте (1), это парцелляция. Будучи синтаксическим заимствованием из разговорной речи, на фоне книжной стилистики текста лекции эта фигура, суть которой состоит в договаривании на ходу, создает ощущение динамичности. Интонационно обособленный парцеллят, добавляемый к, казалось бы, уже законченному высказыванию, вызывает впечатление сиюминутности выстраивания мысли: *Зритель во время действия посвящался, приобщался к событиям мира видимого и сущего. Истории и драмы души.*

Текст энциклопедической статьи характеризуется базовой модальностью констатации с единичными лексическими сигналами уверенности (*К этому решению, несомненно, был причастен...; Это было чрезвычайно важно*). Имитация элементов диалога автором не меняется, стилистические фигуры редки и являются скорее средством логического усиления смысла.

Особенно показательна в плане сопоставления ритмика анализируемых текстов. Одна и та же тенденция чередования длинных и коротких предложений, больших и малых абзацев выражена в них в разной степени.

Текст лекции в этом отношении более контрастен: разброс количества слов в предложении здесь от двух до 62. Средняя длина предложения составляет 11 слов. Самые короткие предложения часто размещены на границах абзацев, хотя предложения-парцелляты этому правилу не подчиняются. Короткое предложение (от двух до семи слов) несет на себе повышенную смысловую или риторическую нагрузку: *Его же театр – зеркало Бэкона и Сведенборга. Оно планетарно, глобусно, универсально; Сведения о первых постоянных театрах противоречивы; Вряд ли; Кто был Джон Ди?; Знак копыа, как мы знаем, священный;* и др.

Объемы абзацев данного текста чередуются. Большие абзацы из нескольких обширных предложений и смысловые блоки нескольких абзацев сменяются небольшими, которые могут быть равны даже отдельному предложению. Приведем полный статистический ряд обследованного текста, указывая количество слов каждого абзаца и выделяя большие объемы с помощью рамки: 31 – 33 – **110 – 76 – 20 – 59 – 71 – 11 – 11 – 211 – 158 – 126 – 22 – 76 – 184 – 57 – 27**. Объемные фрагменты текста содержат изложение фактов и детализацию аргументов. Короткие фрагменты носят тезисный или выводной характер.

Игра объемами дополняется интонационным разнообразием: повествовательная интонация разбивается то восклицательной, то вопросительной. За такой структурой даже в письменном тексте угадываются ускорения и замедления темпа, и в целом темпоритмическая картина текста выглядит упругой, энергичной.

В энциклопедической статье минимальный объем предложения составляет 9 слов, максимальный – 67, средняя длина предложения – 22 слова. При этом парцелляция не встречается, сравнительно короткие предложения (от 9 до 12 слов) являются полноструктурными. Тенденция в области чередования объема абзацев выражена слабее: **90 – 88 – 152 – 112 – 35 – 59 – 76 – 159 – 84**, но взаимосвязь короткого фрагмента с дополнительной смысловой нагрузкой в тексте налицо: абзац из 35 слов носит выводной характер. Текст (2) не лишен формальной выразительности, он тоже связан с наличием ритма, то есть явления фразовой периодичности, но это явление менее рельефно, чем в тексте (1).

Обобщенно фиксируем заметное энергетическое различие сопоставленных текстов, а также – в методическом отношении – существенную роль грамматических и ритмических сигналов-энергем, дополняющих набор экспрессивных средств текста. При этом заметим, что сравнивались однотемные тексты, характеризующиеся книжностью как базовой стилистической чертой. Можно уверенно предпо-

ложить, что сравнение текстов разных функциональных стилей покажет их различие в плане энергетики гораздо ярче.

По намеченной программе может сравниваться не только энергетическая составляющая жанров и функциональных стилей, но и личная речевая манера разных авторов в рамках однотипной речевой деятельности (образец такого сравнения содержится в работе [Матвеева]).

Итак, *энергетика* как речетекстовая категория в содержательном отношении – это воздействующий компонент высказывания и текста. В плане выражения данная категория представляет собой функционально-текстовое поле, представляющее собой организованную совокупность двух субполей: движения и волеизъявления. Они состоят из языковых энергем различной уровневой принадлежности (экспрессивных и неэкспрессивных), а также речевых приемов, нацеленных на воздействие.

Термин *энергетика* вбирает в себя более узкое понятие *экспрессивность* и предполагает учет не только эмотивного, интенсивного и образного компонентов, но также других единиц с семантикой движения (динамики), единиц и акций волеизъявления, средств персонификации изложения, семантически и формально контрастирующих речевых структур. Описание *энергожизни* текста (выражение Н. Л. Мышкиной) на базе изложенного подхода много полнее традиционного описания его выразительности.

Анализ энергетики поддается статистической интерпретации, что особенно важно для постановки сопоставительного исследования данного феномена. Конечно, в настоящее время еще невозможно ввести «индексы энергоемкости» конкретного языкового или речевого средства или предложить формулу вычисления энергии текста. Однако уже сейчас вполне можно составить представление о массивном и разнообразном по составу или разреженном и скудно обеспеченном текстовом поле определенного текста или группы сопоставляемых текстов. Можно также выявить группы средств, наилучшим образом обеспечивающих динамизм изложения и силу воздействия речи на адресата, в противовес средствам, придающим тексту признаки статичности, абстрагированности от личности автора, семантической и ритмической нерельефности.

Предлагаемый в данной статье подход к исследованию энергетики текста носит собственно лингвистический характер, он опирается на концепции и категории, разработанные в семасиологии, экспрессиологии, грамматике русского языка. Предлагается, однако, дополнительное включение в состав языковых и речевых средств воздействия таких языковых единиц и речевых приемов и групп, которые ранее не трактовались в качестве воздействующих на восприятие. Что же касается вопроса о методах определения суммарной значимости энергем речевого произведения, то данный вопрос лишь сформулирован как таковой.

Список литературы

- Балли Ш. Французская стилистика. М. : Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.
- Волкова П. Мост через бездну. М. : Зебра Е, 2013. 256 с.
- Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука, 1970. 755 с. (ГСРЛЯ).
- Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся III–VII классов // Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество : избр. тр. М. : Лабиринт, 1998. С. 183–319.
- Лойфман И. Я. Принципы физики и философские категории. Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1973. 136 с.
- Лосев А. Ф. Философия имени // Лосев А. Ф. Самое само : Сочинения. М. : ЭКСМО-Пресс, 1999. 1024 с. С. 29–204.
- Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: проблемы семантики. Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1986. 230 с.
- Матвеева Т. В. Энергетика текста // Изв. Урал. ун-та. 2000. № 17. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 3. С. 107–112.
- Мышкина Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1998. 151 с.
- Поздеева Т. В. Отношения адресант – адресат в политическом газетном дискурсе: концепция взаимодействия и взаимокорреляции : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011. 21 с.
- Рамишвили Г. В. Гумбольдтианство // Языкознание : Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая рос. энцикл., 1998. С. 123–124.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. М. : Флинта; Наука, 2003. 696 с. (СЭС).
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 142 с.
- Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с. (ТСРЯ).
- Философская энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. Ф. В. Константинов. М. : Совет. энцикл., 1960–1970 (ФЭ).
- Храпова В. А. Энергетика текста // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2005. № 3. С. 25–28.
- Шабалина Т. Театр «Глобус» (Globe) // Энциклопедия «Кругосвет» [официальный сайт]. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/teatr_i_kino (дата обращения: 14.08.2017).
- Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974. С. 24–39.
- Энергетика текста // Кофейня [интернет-форум]. 17.05.2008. URL: forum.cofe.ru/showthread.php?t=106101 (дата обращения: 14.08.2017).

References

- Bally, Ch. (1961). *Francuzskaja stilistika* [French Stylistics]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoj literatury. 394 p.
- Energetika teksta* [The Energy of a Text]. In *Kofejnija – Internet Forum*. URL: forum.cofe.ru/showthread.php?t=106101 17.05.2008 (mode of access: 14.08.2017).
- FE (1960–1970). *Filosofskaja enciklopedija* [Philosophical Encyclopaedia]. (Books 1–5). Moscow, Sovetskaja enciklopedija.
- GSRLJA (1970). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka* [A Grammar of the Contemporary Russian Literary Language]. Moscow, Nauka. 755 p.
- Hrapova, V. A. (2005). *Energetika teksta* [The Energy of a Text]. In *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki*, 3. Rostov-on-Don, Juzhnyj federal'nyj universitet. Pp. 25–28.

- Lojzman, I. Ja. (1973). *Principy fiziki i filosofskie kategorii* [Principles of Physics and Philosophical Categories]. Sverdlovsk: Ural'skij gosudarstvennyi universitet. 136 p.
- Losev, A. F. *Filosofiya imeni* [The Philosophy of Name]. In *Samoye samo: Sochineniya*. Moscow, EKSMO-Press, pp. 29–204.
- Lukjanova, N. A. (1986). *Ekspressivnaja leksika razgovornogo upotreblenija: probleme semantiki* [Expressive Colloquial Vocabulary: Issues of Semantics]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie. 230 p.
- Matveeva, T. V. (2000). *Energetika teksta* [The Energy of a Text]. In *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. Gumanitarnye nauki, 3 (17), pp. 107–112.
- Myshkina, N. L. (1998). *Vnutrennjaja zhizn' teksta: mehanizmy, formy, harakteristiki* [The Internal Life of a Text: Mechanisms, Forms, Characteristics]. Perm: Permskij gosudarstvennyj universitet. 151 p.
- Pozdeeva, T. V. (2011). *Otoshenija adresant – adresat v politicheskom gazetnom diskurse: koncepcija vzaimodejstvija i vzaimokorreljacii* [The Addresser – Addressee Relationship in Political Newspaper Discourse: The Concept of Interaction and Correlation]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar. 21 p.
- Ramishvili, G. V. (1998). *Gumboldtianstvo* [Humboldtiana]. In *Yazykoznanie: Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar*. Moscow, Bolshschaya Rossiyskaya entsiklopediya, pp. 123–124.
- SES (2003). *Stilisticheskij entsiklopedicheskij slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopaedic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Flinta, Science. 696 p.
- Shabalina, T. *Teatr "Globus" (GLOBE)* [The Globus Theatre (GLOBE)]. In *Enciklopedija "Krugosvet"*: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrasovanie/teatr_i_kino (mode of access: 14.08.2017).
- Shcherba, L. V. (1974). *O trojacom aspekte jazykovyh javlenij i ob eksperimente v jazykoznanii* [On the Three-dimensional Aspect of Linguistic Phenomena and Experiment in Linguistics]. In *Shcherba L. V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'*. Leningrad, Nauka, pp. 24–39.
- Telia, V. N. (1986). *Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic* [The Connotative Aspect of Semantics in Nominative Units]. Moscow, Nauka. 142 p.
- TSRJA (2008). *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vkljucheniem svedenij o proishozhdenii slov* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language with Information on the Origins of Words]. Moscow, Centr "Azbukovnik". 1175 p.
- Volkova, P. (2013). *Most cherez bezdnu* [A Bridge across an Abyss]. Moscow, Zebra E. 256 p.
- Zhinkin, N. I. (1998). *Razvitie pis'mennoj rechi uchashhihsja III–VII klassov* [The Development of Written Speech for Pupils between the 3rd and 7th Forms]. In *Zhinkin N.I. Jazyk. Rech'. Tvorchestvo. Izbrannye trudy*. Moscow, Labirint, pp. 183–319.

The article was submitted on 29.06.2017